Лоуэльмина любила Империю.

Она любила ее за пестроту народов, людей, культур, идеологий и вер, смешавшихся в беспорядочное переплетение .

Вот почему она посвятила всю свою жизнь Империи. Она мечтала о том, как будет помогать своей стране, и с жадностью впитывала знания. У нее не было сомнений, что если она не сойдет с пути, ее ожидает награда.

Но на одном банкете эти мечты были растоптаны.

Император решил задать своему старшему сыну вопрос о политике. Когда его сын не смог сказать ничего толкового, настроение Императора упало, затронув атмосферу всего вечера.

И в это самое время, Лоуэльмина, стоявшая рядом с ними, предложила верный ответ. Император похвалил ее, и вассалы отметили, что не ожидали меньшего от принцессы Империи. Старший сын густо покраснел от стыда, но она не придала этому значения. Для Лоуэльмины, гораздо важнее было скорее стать опорой для Империи.

Вот только с того дня, все вокруг нее изменилось.

Ее время на изучение политики заполнилось уроками поэзии и танцев. Вассалы, что занимались политикой государства, держались от нее подальше. И более того, ее вынудили прекратить посещать собрания Императорского Двора, что ранее ей позволялось. Тогда стало очевидно, что все это происходит по чьему-то велению.

Сначала она решила, что это было дело рук ее пристыженного старшего брата, но это было не так.

Все это было по приказу Императора.

Как отец, Император любил Лоуэльмину, но у него не было ни малейшего желания объявлять ее наследницей – потому что она была девочкой.

Империя была страной, в которой талант считался важнее статуса. И несмотря на это, Император придерживался мнения, что женщинам более подобает красиво одеваться, и говорить сладкие речи. Они не подходили для того, чтобы нести бремя государственной политики.

Но следующие события потрясли Лоуэльмину до глубины души.

Когда она осознала, что воля Императора была непоколебима, она стала пытаться изменить

что-то через вассалов. Но ни один из них не обратил на нее внимания. Они боялись навлечь на себя императорский гнев – можно было решить на первый взгляд.

В действительности, большинство вассалов были согласны с Императором, что государственные дела не женское занятие. Даже леди двора принимали это за безусловную истину.

И самое ужасающие из всего этого: они не желали ей зла. С добрыми намерениями и этим убеждением, они держали ее подальше от политики, прекрасно понимая, что она была более чем способной. Они не хотели, чтобы она знала те несчастья, которые были неотрывны от этих дел.

Могла ли Лоуэльмина скрыть свой шок?

На ее пути вставал не заговор одного-двух людей. И это было не только во дворце, почти вся страна стояла против нее. Это была стена людей, разделявшая такую культурную гегемонию. И когда Лоуэльмина узнала о такой системе убеждений, она поняла, что ей это никак не изменить.

С этого времени, она заперлась во дворце, чувствуя удушье от одного взгляда на свою личную библиотеку, зная, что учеба была бесполезна. Она прекратила листать страницы ее книг. Она вымещала досаду на свое окружение, и роптала на то, что родилась девочкой.

Но время было беспощадно, и неумолимо продолжало идти.

Однажды, старшая сестра предложила ей одну вещь. Она не могла выносить вида, как ее сестра впустую проводит дни. Может, ей стоит сходить в военную академию, чтобы развеяться?

Лоуэльмина согласилась. Они выставили это так, что она отправиться туда для поиска потенциальных женихов. Разумеется, никто из императорской семьи не мог выбирать себе пару. Но даже Император, вероятно, волновался о своей любимой дочери. С поддержкой ее сестры, дело было решено.

Поступив в академию, она будет врать о своем социальном статусе. Для этого было довольно причин, но настоящий мотив был в том, что если она будет не собой, то сможет хотя бы сбежать от своего чувства безысходности.

И тогда, она встретилась с одним человеком…

- Уэйн, это последняя картина.

Странг заносил в комнату полотно. Это был рисунок одного известного художника. Его

ценности было достаточно, чтобы у знающих имя затряслись бы руки, коснись они только рамки.

Но Странг и Уэйн обращались с ними без всякой бережности – и в этом не было ничего странного, ведь картина была фальшивкой.

- Прекрасно. Лучше, чем я ожидал.

- Ага. Понадобится кто-то с наметанным глазом, чтобы заметить разницу во всех наших подделках.

- Но все еще сложно поверить, что тебе удалось их заполучить, Странг.

- У меня есть кое-какие связи с художниками. Глен, как с твоей частью?

- Я нашел способ проникнуть в особняк, а также план побега, если что-то пойдет не так. – Глен состроил кислую мину, и продолжил. – Но мы действительно собираемся это провернуть? Этот тип имперский аристократ.

- Глен, Глен, уже слишком поздно об этом заговаривать. Помни: наша цель эксплуатировала своих подданных, так?

- Ну, да, но…

- Ну хватит, мы же не убивать его собираемся. Он потратил свои грязные деньги, чтобы собрать свою бесполезную коллекцию картин, а мы лишь хотим поменять их на холсты Странга. Уверяю тебя, никто не заметит.

- Он прав, Глен. У этого парня нет вкуса к искусству. Мы предложим их тем, кто понимает их истинную ценность, и разделим выручку между его людьми. Справедливость будет восстановлена!

- Справедливость… что ж, после таких слов… я в деле!

- Доверчивый как и всегда.

- Ты прав. Как бы его не обманули какие-нибудь коварные друзья.

- Вы что-то сказали, ребята?

- Ничего. – В унисон ответили Уэйн и Странг, качая головами.

В комнату зашла Ниним. – Я уладила все со сделкой. Наши картины уже готовы ехать на запад.

- Прекрасно. Тогда вперед за товаром.

Группа начала одну за другой переносить картины из комнаты.

Когда Уэйн пришел за очередной, он обернулся. – Что такое, Лоуа? Ты витаешь в облаках.

Лоуэльмина совершенно не двигаясь стояла в углу комнаты. Когда к ней обратились, у нее дрогнуло лицо.

- Просто наблюдаю.

- Наблюдаешь? За чем?

- За тобой.

Уэйн моргнул, и расплылся в напыщенной улыбке. – Так ты все же осознала, какой я горячий парень.

- Вовсе нет.

- Ага.

- Ни в малейшей степени.

- Эх, не обязательно было повторять дважды…

- И не мечтай.

- Но в третий раз то зачем говорить?! – Завыл он, вцепившись в свое лицо.

А я ведь думал, что вполне неплохо выгляжу, безмолвно твердило его выражение.

Лоуэльмина тяжело вздохнула. – Как бы тебе сказать? Наверное, я завидую, как ты живешь, будто не беспокоясь ни о чем на свете.

- Чего? Ты что, нарываешься? Пытаешься меня так спровоцировать, да?

- Нет, ничуть. Я сказала, что хотела сказать. Я тебе завидую. – Признала она меланхоличным тоном.

Уэйн поглядел на нее, а затем бросил ей легкий кивок, будто с сочувствием. – Ну ладно. Тогда давай, увидимся.

http://tl.rulate.ru/book/23805/1071757